

НЕКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ ФОРМ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

*Работа представлена кафедрой тюркских языков Дагестанского государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Э. Гаджиахмедов*

В статье рассматривается комплекс некатегориальных значений императива в кумыкском языке. Императивные формы, оказавшись в контексте, исключаящую типичную для императива ситуацию побуждения, теряют свою категориальную семантику и употребляются в различных переносных значениях.

***Ключевые слова:** императив, грамматическая форма, категориальное значение, побуждение, дифференциальные признаки, транспозиция, переносное значение.*

ON THE PROBLEM OF NON-CATEGORY MEANINGS OF THE IMPERATIVE IN THE KUMYK LANGUAGE

The article is devoted to a complex of non-category meanings of the imperative in the Kumyk language. Under a certain context, imperative forms lose their categorical semantics and function in different figurative meanings, which is not typical of these forms.

Key words: imperative, grammatical form, categorical meaning, inducement, differential signs, transposition, figurative meaning.

Любая грамматическая форма может употребляться в прямом (первичном) и непрямом (транспозиционном) значении. При прямом употреблении грамматическое значение формы не расходится со значениями контекста. Вследствие такого «согласованного» взаимодействия формы и контекста возникают прямые частные значения грамматических форм. В результате переноса грамматической формы в иной контекст создаются новые значения данной формы, так называемые вторичные (переносные) значения [1, с. 9].

Традиционная точка зрения представляет императив как наклонение, в котором выражена воля говорящего, побуждающая собеседника стать производителем действия. Семантическая структура императива содержит следующие категориальные значения: присутствие говорящего и адресата, наличие волеизъявления, которое исходит от говорящего и направлено на собеседника, футурально-презентная перспектива. Все эти компоненты могут быть названы дифференциальными признаками или дифференциальными семантиками категории повелительного наклонения. Сему «волеизъявления» можно признать доминантой семантического содержания формы императива. Императив не может считаться заменителем некой иной семантической категории в том случае, если он сохраняет в той или иной позиции все свои семантические дифференциальные признаки и не нейтрализует ни единого своего грамматического смысла.

Императивные формы, утратив дифференциальные признаки, оказавшись в контексте, исключая типичную для них ситуацию побуждения, теряют свою категориальную семантику и приобретают различные перенос-

ные значения. При транспозиции императива контекст противоречит значению формы и не выражает волеизъявления.

В кумыкском языке императив, кроме выполнения своей апеллятивной функции, может употребляться для выражения долженствования, возможности, невозможности, неожиданности действия, передавать оттенки удивления, восхищения, недовольства, угрозы, а также реализовывать целевые и другие значения. Как замечает Вл. Грабье, благодаря употреблению императива говорящий добивается большей экспрессивности сообщения, выражает свое субъективное, в частности оценочное, отношение к действию. В контексте, в котором императив замещает другое наклонение, он всегда экспрессивнее, чем другие способы модального выражения. Таким образом, говорящий может употребить императив либо для выражения своей воли, либо для придания сообщению особого колорита [4, с. 106].

Императивными формами второго лица единственного числа может передаваться значение долженствования с оттенком недовольства. Употребление данных конструкций для описания ситуаций долженствования чаще всего является синтагматически связанным: обычно передается ряд однородных действий одного субъекта или двух действий разных субъектов, находящихся в отношениях контраста. *Аллагъны гьар гюню Митини кююдей бир кюй! «Бар!», «Гел!». Шо баягъы жув, сибир, тазала (У. Мантаева).* «Каждый божий день сравним с однообразной музыкой Мити. Иди туда! Возвращайся! Как всегда, мой, подметай, убирай».

В данном значении форма повелительного наклонения может быть заменена сочетанием

инфинитива на *-ма, -ме (-магъа, -меге)* с модальными словами *герек* или *тарыкъ* «надо, нужно, необходимо». Ср.: *Мен жувмагъа, сибирмеге, тазаламагъа герекмен.* – «Я должна мыть, подметать, убирать». Но в таких предложениях говорящий констатирует факт и при этом не выражает своего негативного отношения. В императивной же конструкции говорящий, сообщая факт, одновременно выражает свое отношение к сообщаемому. Значение подобных форм является своего рода воспроизведением чужого повеления, трактуемого его с точки зрения того лица, которому императив адресован.

Значение долженствования сопровождается экспрессивными оттенками недовольства, возмущения, сожаления по поводу выполняемого действия или действия, которое должно быть выполнено.

Конструкции с императивными формами второго и третьего лица могут передавать значение возможности. *Сюйсе ишлесин, сюйсе орам сакъласын* (У. Мантаева). «Хочет пусть работает, не хочет, пусть улицу сторожит». Возможность осуществления действия представлена говорящим. Оно никем и ничем не навязывается. Внимание собеседника акцентируется на сказанном. Императив, употребленный в значении возможности, характеризуется определенными сочетаемостными способностями. В таких высказываниях могут быть следующие сочетания слов: *ким сюйсе* «кто хочет», *сюебусанг* «если хочешь», *къайда сюйсенг* «куда хочешь», *нечакъы сюйсенг* «сколько хочешь» и т. д.

Конструкции с императивами третьего лица единственного и множественного числа и первого лица множественного числа в сочетании с вопросительным местоимением или наречием, которые обычно занимают препозитивное по отношению к глагольной форме положение, могут выражать невозможность, трудность, бесполезность совершения действия. *Озокъда, булай хорлукъгъа гиши нечик чыдасын* (А. Салаватов). «Конечно, как такое издевательство может вытерпеть человек».

В комплекс некатегориальных значений кумыкского императива входит предложение говорящего совершить то или иное действие,

которое приобретает намеренно провокационный характер с целью подчеркнуть невозможность или трудность выполнения действия. Таким образом, формируется стилистически маркированное значение формы, которое реализуется в определенном контексте и с помощью особой интонации. *Бола бусанг, ал* (М.-С. Ягъияев). «Если можешь, возьми».

Аналитическая форма *къарап тур* (*турсун*) также обозначает невозможность, безрезультатность действия. *Къарап тур, ол бизге кѐмек этгинче.* «Жди от него помощи». Собеседнику предлагается не совершать данное действие, а осознать бесполезность его совершения. В связи с этим сохраняется определенная близость к побудительной интонации. Реальное побуждение подобные высказывания не содержат, так как они не связаны с волеизъявлением говорящего.

Императивными конструкциями может быть выражено удивление, восхищение по поводу того или иного действия или события. В речи для выражения этого значения употребляются глаголы *къара, гет, айтма* с частицами *чы, сана, гъали, да, хари. Гет чи, инанмайман.* «Уйди, не верю».

Этими же формами могут передаваться модальные значения недовольства, возмущения. *Къара чы сен, юреги авруп да бажара* (А. Салаватов). «Смотри-ка ты, у него оказывается и сердце может заболеть».

Названные императивы с частицами выступают в роли модальных слов, выражающих эмоциональную реакцию говорящего на воспринятую им информацию. Д. Г. Тумашева, исследуя материал татарского языка, рассматривает все эти формы как междометия-обращения, выражающие в зависимости от контекста и интонации различные оттенки удивления, восхищения, недовольства, недоумения, угрозы [5, с. 106].

Императивными формами второго и третьего лица (часто в сочетании с частицей *гъали* и аналитической конструкцией *-п къара* (*къарасын*)) передается значение угрозы. Наиболее полное проявление данного модального оттенка реализуется в зависимости от интонации и контекста. *Къара, гѐремисен, бизге язмай сизге яза. Бир гелсин гъали, айтарман мен огъар*

айтарны! (М.-С. Ягъяев). «Смотри, видишь нам не пишет, а вам пишет. Только пусть попробует прийти, я ему выскажусь».

А. Н. Васильева отмечает, что при выражении угрозы используются и так называемые обратные императивные конструкции, которые внешне эксплицируют побуждение, а на самом деле содержат побуждение к его несовершению [2, с. 39–44]. Таким образом, в кумыкском языке угроза выражается аналитической конструкцией *-п къара (къарасын)*. *Бир кепегингни тутуп къарасын. Бувуп ольтюрмейменми* (М.-С. Ягъяев). «Пусть только попробует тебя обидеть. Задуш».

Императивные формы третьего лица с вопросительными аффиксами выражают колебание, размышление. *Гелсинми, гелмесинми?* «Прийти ли ему или нет?»

Императивные формы третьего лица и первого лица множественного числа с вопросительным местоимением могут иметь характер риторического вопроса. *Не этсин пакъыр Бойнакъ – ит сююнмей о гече, кёп гюнлер бу сувукъда ач ятган нече-нече* (Н. Батырмурзаев). «Что делать бедному Бойнаку в эту ночь, как не радоваться, ведь ему не раз приходилось засыпать голодным». Факты, о которых говорится в первой части таких высказываний, например, *не этсин* «что ему делать», настолько известны, что о них легко догадаться без какого-либо пояснения. В качестве вопросительных местоимений употребляются слова *ким (кимге)* «кто» («кому»), *къайда* «где» (во всех падежных формах), *не* «что», *неге* «почему», *нечик* «как» и т. д.

Сочетание, состоящее из формы условного наклонения и императива, выражает безразличие говорящего по поводу происходящего события. *Гёрсе гёрсюн!* (М.-С. Ягъяев). «Увидит, ну и пусть увидит!»

Оттенок безразличия передается также императивными формами в сочетании с частицей *дагъы*. *Авсун дагъы, не аварадыр магъа халкъны чырлары* (М. Къурбанов). «Ну и пусть падает, мне какое дело до чужих заборов».

Императивные конструкции могут выступать в качестве функциональных синонимов форм прошедшего и настоящего времен изъявительного наклонения. Отрицательно-

вопросительная форма третьего лица единственного числа выражает неожиданно совершившееся действие и обычно употребляется в составе аналитической конструкции. *Кёрюк алда аш биширип тура эдим! Бирден къапулар герилип ачылмасынмы* (У. Мантаева). «Я готовила пищу возле печи! Вдруг, как ворота откроются». Со значением неожиданности связано также удивление говорящего как эмоциональная реакция на внезапно совершившееся действие, которое по представлению говорящего (коммуниканта) не должно было произойти.

Императивные формы третьего лица в сочетании со служебными словами *деп, учун, йимик* выполняют роль сказуемого придаточных предложений, выражающих целевое или конкретизирующее значение. В этом случае употребление повелительного наклонения функционально равнозначно изъявительному наклонению. *Мен сагъа нече керен айтганман, авзунга не гелсе, гъаплап турма деп* (У. Мантаева). «Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не болтал что попало».

Форма повелительного наклонения может использоваться при выражении ирреального условия. Условно-уступительный императив употребляется в придаточных предложениях, где служит для экспрессивного выражения оптимального условия осуществления действия или уступки, главная же часть предложения констатирует несоответствие фактического следствия закономерному, предполагаемому. *Огъар айт, айтма. Пайда ёкъ* (А. Салаватов). «Ему говори, не говори, все равно пользы нет». В этом случае уступительное значение конструкции экспрессивно осложняется альтернативной, конкретизируется в значении бесполезности усилий. Легко возможна трансформация рассматриваемого предложения в сложноподчиненное с придаточной уступительной частью [3, с. 243]. *Сюйсе де, сүймесе де – о магъа авара туюл*. «Хоть любит, хоть не любит – это меня не касается».

Императивные формы третьего лица могут выступать в качестве синонимов обстоятельно-временной конструкции на *-гъанда, -генде*. *Амма, бир йыл, эки йыл гетсин гъали, сонг не болажакъ* (А. Къурбанов). «А вот

пусть пройдет год или два, потом что будет». Употребление в данном случае именно формы императива придает речи большую экспрессивность.

Разговорный императив часто используется для выражения недоброго пожелания. Сфера его функционирования ограничена довольно узким кругом традиционных сочетаний типа *Лагъ бол! Тас бол! Ёкъ бол!* «Исчезни!»

Императивные конструкции могут употребляться с оптативным значением. «В этом употреблении выражаются пожелания, осуществление которых не подконтрольно ни воле говорящего, ни воле того лица, которое является участником гипотетической желаемой ситуации, если такое лицо имеется» [6, с. 234]. Сюда относятся фразеологизмы со значением благожеланий, зложеланий, заверений и некоторые формы приветствия. *Аллагъ сени*

юрегинге сабурулукъ салсын (А. Къурбанов). «Пусть всевышний пошлет сердцу твоему спокойствие».

Для выражения пожеланий или ругательств и проклятий употребляются также формы на *-гъын* и *-гъыр*. *Уллу гъаким болма насип болсун сагъа, оьмюрлю болгъур, къызым* (М.-В. Темиров). «Да наступит счастливый день для тебя, доченька, чтобы ты стала большим человеком».

Итак, случаи транспозиции императива характеризуют в основном живую разговорную речь и имеют чисто эмоционально-экспрессивную направленность. Возможно, некоторые из этих значений появились под влиянием разговорной речи, так как само побуждение предполагает непосредственное общение между участниками коммуникативного акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.
2. Васильева А. Н. Глагол в разговорной речи // Русский язык за рубежом. 1969. № 3. С. 40–46.
3. Гаджихмедов Н. Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке. Махачкала, 2000. 384 с.
4. Грабье Вл. Семантика русского императива // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 105–127.
5. Тумашева Д. Г. Татарский глагол: опыт функционально – семантического исследования грамматических категорий. Казань, 1986. 188 с.
6. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.